

умеренной группе Горы. В марте и в мае 1793 г. он понял, вероятно, что ради торжества начатой революции монтаньярам нельзя отделяться от тех, кто требует мер социального характера; он так и сделал, что не помешало ему впоследствии гильотинировать левое крыло Горы, т. е. эбертистов, и подавить «бешеных». С другой стороны, Бриссо не всегда был сторонником «порядка». Но, несмотря на эти оттенки, эти два человека хорошо олицетворяли собой обе партии.

Между партией буржуазного порядка и партией народной революции должна была неминуемо начаться борьба не на жизнь, а на смерть.

Жирондистская партия, дойдя до власти, желала, чтобы все вошло теперь в порядок, чтобы революция с ее революционными приемами прекратилась, раз у кормила правления стоят они. Уличного шума больше не нужно: теперь все будет делаться по приказу министров, назначенных послушным парламентом.

Монтаньяры же (Гора) хотели, чтобы революция привела наконец к таким мерам, которые действительно изменили бы все состояние Франции: положение крестьян (т. е. двух третей населения) и положение бедноты в городах. Они хотели также таких перемен, которые сделали бы возвращение к монархическому и феодальному прошлому невозможным.

Рано или поздно, думали они, через год, через два революция успокоится; народ, истощив свои силы, вернется в свои хижины и трущобы; эмигранты возвратятся; духовенство и дворяне опять возьмут верх. Нужно, чтобы к этому времени они нашли во Франции полную перемену, чтобы земля была уже в других руках, уже политая потом новых ее владельцев, и чтобы эти владельцы смотрели на себя не как на чужаков, а как на людей, имеющих полное право пахать и засеивать эту землю. Все во Франции должно измениться к тому времени: самые нравы, привычки, даже язык. Франция должна стать страной, где каждый считает себя равным кому угодно, раз он работает плугом, заступом, молотом или каким бы то ни было другим орудием. А для этого нужно, чтобы революция продолжалась, даже если ей придется переступить ради этого через трупы некоторых из тех, кого народ избрал своими представителями, послав их в Конвент.

Борьба неизбежно должна была быть борьбой на смерть, потому что жирондисты хотя и были людьми «порядка», людьми государственными, но считали революционный трибунал и гильотину одним из самых действительных приемов управления. Уже 24 октября 1792 г., когда Бриссо выпустил первый свой памфлет, свою первую обвинительную брошюру против Горы, он требовал в нем государственного переворота, направленного против «дезорганизаторов», «анархистов». Выражаясь языком классического Рима, он прямо требовал «Тарпейской скалы», чтобы с нее сбросить Робеспьера¹. Уже тогда, когда Луве произнес (29 октября) обвинительную речь, в которой требовал головы Робеспьера, жирондисты занесли лезвие гильотины над головами «уравнителей, нарушителей порядка, анархистов», осмеливавшихся стать на сторону парижского народа и его революционной Коммуны².

С этого же дня жирондисты, не переставая, пытались отправить на эшафот монтаньяров. 21 марта 1793 г., когда при известии о поражении Дюмуре при Неервиндене Марат выступил в Конвенте, обвиняя этого генерала, друга жирондистов, в измене, они чуть не растерзали Марата на трибуне. Его спасло только его хладнокровие и решимость. Три недели спустя (12 апреля) они сделали новую попытку в том же направлении и наконец добились-таки от Конвента предания Марата суду. А еще шестью неделями позже (24 мая) наступила очередь прокурора Коммуны Эбера, рабочего пропагандиста и коммуниста Варле и других «анархистов», которых жирондисты вели арестовать в надежде отправить их на эшафот. Словом, они вели настоящую кампанию с целью выжить монтаньяров из Конвента и сбросить их с «Тарпейской скалы».

¹ «Три революции нужны были для спасения Франции: первая — низвергала деспотизм; вторая — уничтожила королевскую власть; третья — должна убить анархию! И вот этой-то третьей революции я и посвятил *начиная с 11 августа* свое перо и все свои силы» (*Brissot J. P., deputé a la Convention Nationale. A tous les republicains de France, sur la Société des Jacobins de Paris*; памфлет, помеченный 24 октября 1792 г. — In: *Brissot, député du Département d'Eure et Loire a ses commettants. Précède d'autres pièces intéressantes de Brissot. Londres, 1794*).

² Луве несколько не скрывал истинного значения своей «Робеспьериды». Когда он увидел, что маневр, задуманный им и его друзьями, не удался и что Конвент не захотел предать суду и смерти Робеспьера, он сказал, вернувшись домой, своей жене, Лодойской: «Нужно нам заранее быть готовыми к эшафоту или к изгнанию». Он приводит эти слова в своих «Мемуарах» (стр. 74) Он почувствовал тогда, что оружие, которое он направлял на представителей Горы, обращается против него самого.